

Мусаева Майсарат Камиловна
к.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

НИТЬ, ЛОСКУТ, ТКАНЬ В ТРАДИЦИОННОЙ ОБРЯДОВОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

Аннотация. Статья посвящена определению места в мифопоэтической картине мира и обрядовой культуре народов Дагестана отдельных предметов «определенной» культуры. Предполагается рассмотреть такие привычные в нашем материальном мире обычную нить, ткань, лоскут ткани, не только как предметы, обладающие утилитарными свойствами, но и определенными семиотическими свойствами, свойством создавать определенные социальные связи, в силу их применения в обрядовой культуре большинства народов Дагестана. Учитывая то, что современные глобализационные процессы, происходящие в обществе, ведут к потере многих знаний и представлений, существовавших в прошлом, представляется вполне оправданной и актуальной фиксация картины материального и духовного мира предков. Исследование было проведено на основе анализа специальной литературы и полевого материала, собранного автором в течение многолетних этнографических экспедиций в Дагестане, методом осмысления внутренней структуры закономерностей развития систем и явлений общего и специального научного познания, роли обыденных предметов в общественно значимых событиях. В результате исследования автор приходит к выводу, что первостепенной идеей семантической сущности в характеристике нити, и всего, что делается из нити – ткани и лоскута, узора вышивки, ковра, паласа и т.д., является связь представлений с жизненной судьбой, социальные связи, создающиеся посредством применения нити: соединение, преемственность; обрядовая коннотация. Именно с ее помощью устранялись разрывы во времени и пространстве, связывались жизнь и смерть, человек и общество, устанавливались (или разрывались) социальный и мифологический «диалоги». Думается, что ядром данной семантической нагрузки является способ изготовления тканного предмета путем переплетения, соединения в одно целое бесчисленного множества нитей, которые, в свою очередь, также могли связывать воедино космическое начало и жизнь человека, мир людей и мир потусторонний, в который люди всегда в прошлом верили.

Ключевые слова: Дагестан; материальная культура; нить; лоскут; ткань; свадебная и похоронная обрядность; дарообмен, семиотическая и семантическая нагрузка.

Для цитирования: Мусаева М.К. Нить, лоскут, ткань в традиционной обрядовой культуре народов Дагестана // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. № 4. С. 1095-1109. doi.org/10.32653/CH1941095-1109

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1941095-1109>

Research paper

Maisarat K. Musaeva,
Cand. Sci., Leading Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
majsarat@yandex.ru

THREAD, SCRAPS AND FABRIC IN THE TRADITIONAL RITUAL CULTURE OF DAGISTANIS

Abstract. The article focuses on identifying the role of specific elements within the “objectified” culture in the mythopoetic worldview and ritualistic practices of the Dagestani peoples. It aims to explore commonplace items like thread, scraps, and fabric, which, while being familiar in our tangible world, possess not only utilitarian functions but also distinct semiotic qualities. These items have the capacity to forge particular social connections, attributable to their utilization in the ritual culture prevalent among the majority of the Dagestani peoples. Given the contemporary impact of globalization, which often results in the erosion of historical knowledge and ideas, there is a compelling justification for documenting the material and spiritual landscape of our ancestors. This study draws on an examination of specialized literature and field data amassed by the author over numerous years of ethnographic expeditions in Dagestan. The approach involves comprehending the internal structure of developmental patterns within general and specialized scientific knowledge systems, with a particular emphasis on the role of everyday items in socially significant events. The author concludes that the central concept defining the semantic essence of thread, and its derivatives such as fabric, scraps, embroidery designs, carpets, and rugs, revolves around the interconnectedness of ideas with the destiny of life and the social bonds established through the use of thread. This connection signifies continuity and ritual connotations. Notably, thread serves as a medium through which temporal and spatial gaps are bridged, linking life with death, individuals with society, and establishing or disrupting social and mythological “dialogues.” The core of this semantic significance lies in the process of producing woven objects through weaving, where countless threads are interwoven to form a unified whole. This method, in turn, holds the potential to connect the cosmic principle with human life, as well as the world of people with the otherworldly realms, beliefs deeply ingrained in the past.

Keywords: Dagestan; material culture; thread; cloth; scraps; wedding and funerary rituals; gift exchange; semiotic and semantic load

For citation: Musaeva M.K. Thread, Scraps and Fabric in the Traditional Ritual Culture of Dagistanis. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2023. Vol. 19. N.4. P. 1095-1109. doi.org/10.32653/CH1941095-1109

© Musaeva M.K., 2023

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2023

Нить, лоскут, ткань – объекты материальной культуры, то, что имеет отношение к одежде, одной из составляющих, т.н. опредмеченной культуры. В последние десятилетия в отечественной науке существует тенденция условно рассматривать объекты материальной культуры не только с точки зрения сугубо утилитарной сферы применения [1, с. 4–16], но и концентрировать внимание на глубинных аспектах функционирования, знаковости, информативной нагрузке («языка») элементов материальной культуры, которые они несут в традиционной бытовой сфере (в ритуале, этикете, мифологии и т.д.) [2]. Отсюда – потребность исследования целостной мифопоэтической картины мира того или иного народа в неразрывном единстве с отдельными элементами «опредмеченной» культуры, с их применением в семейной и общественной обрядовой сфере. Известен тезис, что в прошлом, практически у всех народов мира, в том числе и у народов Дагестана, каждый элемент культуры применялся гораздо полнее, с большей утилитарной и особенно смысловой, семиотической нагрузкой, чем в современном обществе [3].

У истоков современного изучения символических функций вещей стоит П.Г. Богатырев. В своих работах он утверждает, что в принципе, любая вещь обладает несколькими функциями, среди которых есть как утилитарные, так и символические (эстетическая, магическая, функция обозначения сословной или региональной принадлежности) [4, с. 363]. *«Независимая магическая сила не всегда приписывается предмету потому, что он употребляется при мотивированном магическом действии; скорее наоборот: сначала предмет награждается независимой сверхъестественной силой...»* [4, с. 201].

Как подтверждение этому, в данной статье предполагается рассмотреть такие привычные в нашем материальном мире обычную нить, ткань, лоскут ткани, как предметы, обладающие утилитарными свойствами, так и, как выяснилось, определенными семиотическими свойствами, свойством создавать определенные социальные связи, в силу того, что используются в обрядовой культуре большинства народов Дагестана.

В ритуально-мифологических традициях очень многих народов выделяется образ нити как метафоры жизни, судьбы, времени – с одной стороны, и дороги, пути, связи – с другой. Есть представление, что у каждого человека есть своя судьба, но нити жизни ткуются задолго до рождения человека, а длиной жизненной нити управляют Высшие силы. Возможно, эти представления не чужды и современным людям, благодаря Гомеру, который говорил о древнегреческих богинях судьбы – мойрах, трех сестрах, которые пряли нити судьбы: первая – «дающая жребий» ещё до рождения человека, которая представлялась старухой с меркой или весами; вторая – «прядущая» нить человеческой жизни – с веретеном в руках; третья – «неотвратимая», неуклонно приближающая будущее, с книгой жизни и ножницами. Это она перерезала ножницами нить человеческой жизни, обрывая её, по собственной прихоти.

В традиционном мировоззрении народов Дагестана представления подобного рода также имели место. Уже сам материал, сырье для изготовления нити (шерсть, конопля, даже крапива), имевшие растительное происхождение и сопоставлявшиеся с волосами, располагали силой роста, являлись местом накопления и обитания жизненной силы. Неслучайно, у аварцев считали, что жизненная нить может в течение жизни оборваться три раза. Но два раза человек, если повезет, получит шанс протянуть жизненный путь дольше (якобы получатся два узелка), если по счастливой случайности, и в третий раз удастся связать узелок на разорванной нити жизни – человек проживет

больше века. Видимо, по этой причине долгожителя называли «Оставившим позади три узелка». Соответственно и выпряденная нить на уровне мифопоэтических ассоциаций осмыслялась как нить жизни. В немалой степени подобной семантике нити способствовали такие ее качественные характеристики, как протяженность, непрерывность, возможность запутаться, оборваться.

Метафорическая соотнесенность нити с представлениями о долгой жизни прослеживается, на наш взгляд, повсеместно в поверьях, приметах, обрядности. Нельзя, по поверьям народов Дагестана, на себе зашивать ничего, но, если придется – надо обязательно во рту в этот момент держать кусочек той же нити, иначе, жизнь станет короче; нельзя, чтобы тебе передали иголку с ниткой, на конце которой уже завязан узелок – можно лишиться одного узелка из своего шанса на долгую жизнь, а если речь идет о родном человеке – не встретиться в другом мире. А есть представление, что завязавший узелок заберет один у другого благодеяние, за которое нужно отчитаться в «другом» мире («*даража кИибикьула*» – ополовинить благодеяние – *авар.*).

Подобная же соотнесенность нити с представлениями о жизни и смерти прослеживается, на наш взгляд, и в погребальной обрядности. Нельзя вязать узелки на нитках, которыми шьется погребальная рубаша, которую надевают до того, как завернут тело в саван, при подготовке к похоронам. При этом шить надо не справа налево, а слева направо – иначе прилепится, по народным представлениям, к обряжающему тело в последний путь, дух смерти. Человек может заболеть, начать худеть и даже умереть. По примете, белье покойника после стирки следует сушить, повесив правильной стороной, а живого человека вещи – вешать для сушки с изнаночной стороны, чтобы швы, они же из нити, были наружу. Неслучайно говорят, если постиранную вещь повесили, не перевернув наизнанку: «Ты же не покойника вещи сушишь!?».

Причастность обитателей потустороннего мира к прядению нити, то, что нить-судьба находится в их руках (сравните с греческими мойрами), обнаруживается в участии веретена, нити, намотанной на нее. Ведь она вначале как человеческая жизнь растягивается, скручивается и наматывается на ось веретена, пропуская сквозь жизненные невзгоды, превратности судьбы и всю жизнь смертного человека ту нить, которую для каждой судьбы пряла, в свою очередь. Сами приспособления для прядения нити, в частности, веретено, на которое, как человеческая жизнь, растягивается, скручивается и наматывается нить, соответственно с народными представлениями, заключают в себе определенный магический смысл, они также соотносятся с жизнью и ее конечностью.

Здесь, очевидно, будет уместным вспомнить и широко известный сказочный сюжет о спящей царевне, которая засыпает (почти умирает), уколвшись веретеном [5, с. 32]. На конце любого веретена находилось пряслице, которое часто украшали всевозможными знаками-оберегами, что является несомненным свидетельством сакрального отношения к веретену. В мифопоэтическом восприятии человеком картины мира, как считают исследователи, «*вращение веретена символизирует движение вселенной, прядение и ткачество – женское начало в ведении человеческой судьбы, а также завесу, через которую мир предстает в иллюзорном свете*» [6, с. 34]. По информации, встречались пряслицы из дерева, камня, кости. Рассматривая материалы из раскопок Верхнегунибского поселения В.М. Котович пишет: «*Многочисленную группу изделий из кости образуют пряслица. Они представляют собой спиленные головки бедренных костей крупного и мелкого рогатого скота, с просверленным по*

центру сквозным круглым отверстием для древка веретена» [7, с. 120–121]. Они были широко представлены в памятниках III–II тыс. до н.э. на Кавказе. Подобные пряслица нередко встречаются в памятниках эпохи бронзы на территории Дагестана. Ко второй половине II тыс. до н. э. относится найденное в катакомбах близ с. Манас деревянное веретено с пряслицей, а также колки от примитивного ткацкого станка, посредством которых закрепляли нити основы [8]. С большой долей уверенности можно сказать, что этот элемент древней культуры пережил тысячелетия и дошел до конца XIX – начала XX в., почти не изменившись ни по форме, ни по своему функциональному назначению.

Сакральное отношение к веретену известно и народам Дагестана. Во-первых, пряслица на конце веретена часто украшали солярными знаками – это знаки обереги; в орнаменте многих пряслиц нашли свое отражение и древовидные мотивы – одно из олицетворений концептуальной идеи мирового древа жизни; пряслице старались сделать красивым и конечно же идеально круглым, как солнце и полная луна, поскольку считали, что от пряслица зависит скорость вытягивания нити, ее качество, равномерность наматывания на веретено. Нитки делались разной толщины, в зависимости от того, для чего они предназначались.

В день, когда начиналось вытягивание и наматывание нити на веретено, хозяйка перед началом работы устраивала угощение соседкам, чтобы они благословили ее на качественную, без утолщений и узелочков нить, пожелали удачи и скорейшего наполнения веретена. Если нить часто рвалась при вытягивании, получались узелки, которые надо было срочно размотать, говорили, что шайтан мешает и поджигали кусочек шерсти, для окуривания помещения. Дым должен был изгнать шайтана и снять сглаз, который оставила на веретене, как считали, одна из соседок.

Образ веретена соединяет мотив прядения с идеей мировой оси (ср. представления о нити как пути, дороге, соединяющей миры), расположенной в центре мира – там, где находится источник жизни. В целом же, комплекс пряслице-веретено-нить показывал собой своего рода космическую модель, объединявшую в себе пространство и время. Нить, полученная в результате вращения веретена, рассматривалась мифологическим сознанием как символ непреходящего, непрерывного циклического времени. Отсюда все поверья и представления. Неслучайно, исследователи отмечают, что веретено, нить и ткань, сотканная из нити, являются атрибутами Великой Богини-матери в мифах народов Дагестана [9].

Именно эти атрибуты и служили для пошива одежды для человека, чтобы он мог защитить себя от непогоды. Нить служила и для ее украшения путем вышивания разными техниками. При этом, огромное значение имел рисунок, который можно было отобразить при помощи нити. Орнамент, вышитый золотыми нитками (канителью) и шелком, разноцветными шерстяными и хлопчатобумажными нитями, украшал свадебную одежду, детские и женские головные уборы, обувь женщин, покрывала для детских люлек, подушки, седла, кобуры пистолетов, подстилки для водоносных кувшинов, кисеты, сумочки настольные и настенные, чехлы для подушек [10, с. 106–140; 11; 12].

Особенно ценились предметы, вышитые золотными нитями и шелком [13, с. 51–52]. Золотную или серебряную нить продергивать сквозь слой ткани невозможно было, поэтому ее не продевали в иглу, а лишь располагали на ткани и закрепляли очень мелкими стежками по лицевой стороне вышивки, т.е. вышивка производилась

в технике вприкреп [14, с. 65]. Если шитье золотом было развито в основном у засулакских кумыков, лакцев и в отдельных аварских селах, а нити золотные были в основном привозные, то вышивка шелком была более распространена, поскольку шелк использовался не только привозной, но и местный. Многие авторы XIX в. отмечали занятие шелководством у кумыков. Например, И.Н. Березин, в середине XIX в. посетивший сел. Тарки, отмечал: «Некоторые жители занимаются дома выделкою шелка и содержат для этого шелковичных червей» [15, с. 69–70].

Наиболее распространенными мотивами вышивки были главным образом орнитоморфные – стилизованные птицы – куропатки (мокъокъ – аварск; «къакъну» – лакск.; гъуш – кум.), которые принято называть у отдельных народов «восточный огурец» и в древних верованиях дагестанских народов связывается с идеей продуцирования), растительные (цветы, листья, трилистник, ветка), геометрические (круги, розетки, лабиринты, кресты – солярная семантика) [16, с. 147]. Довольно популярна была в вышивке вязь в стиле арабской надписи. К середине XIX в. часто стали вышивать на бархате золотными нитями двуглавого орла, естественно не как символ российского самодержавия, а удобный для расшивания красивый узор. Так, в культуре западных и юго-западных народов Дагестана, особенно андо-дидойцев и аварцев, живущих территориально более изолированно и последними принявших ислам, больше сохранилось архаических черт, преобладание в орнаментике вышивки крупных геометрических форм, солярных знаков, охранной символики и т.п. У южно-дагестанских народов заметно влияние культуры Ближнего Востока, с которым они активно контактировали, у ногайцев – влияние художественных традиций кочевых среднеазиатских народов и т.д., соответственно и орнаментальные мотивы.

Соотнесенность нити с представлениями о жизни и смерти прослеживается, на наш взгляд, и в некоторых магических действиях, направленных на нанесение вреда человеческому здоровью и даже жизни: завязывание узелков из красной нити, с соответствующими заклятиями, на человеческих фигурках из кусков курдюка, или кукол, сделанных из разлагающегося материала. По представлениям отдельных народов Дагестана, завязанные в узлы три нити с определенными пожеланиями-проклятиями, произносимыми с молитвой, и ногами, опущенными в воду, и закопанные у развилки дорог, якобы могли привести к исполнению желания.

Семантика красной нити, как свидетельство связи с потусторонним (хтоническим) миром, и в то же время, применяемая как, оберег, характерна для обрядов жизненного цикла [17, с. 12]. Надо отметить, что символика цвета в Дагестане явление древнее и очень важное. Траурная одежда у большинства народов Дагестана была и остается черного цвета, поскольку черный цвет, по народным представлениям, не только цвет печали, смерти, но и умиловления духов предков. Исключение составляли кумыки, у которых траурная одежда, как выяснилось, была в далеком прошлом белого цвета; и лезгины, которые траурную одежду не носили. У южных даргинцев так же траур не ассоциировался с черным цветом: они оставались в той одежде, в которой их настигла смерть близкого человека, и не снимали, пока она не истлевала от носки.

Что же касается красного цвета, он был доминантным во многих ритуалах народов Дагестана, поскольку в местной традиции ассоциировался с солнцем, с плодородием и жизненной силой, наделялся функциями оберега. У аварцев с. Ругуджа (совр. Гунибский р-он) послы за невестой приносили в качестве подарка родителям невесты большого барана, рога которого были перевязаны красной тканью. В этом же селе

принято было раздавать красные шелковые нити соседским детям, по весу утробных волос младенца, после проведения обряда «первого бритья». У лезгин невесту окутывали красным платком «*дугьгур*», не только оберегая от сглаза, порчи и злых духов, но еще по причине того, что считали красный цвет символом огня в домашнем очаге и невинности девушки [18, с. 246].

У горнодолинных народов Дагестана, во избежание сглаза на хороший урожай, на плодовые деревья и кусты винограда положено было вешать, используя веревочки из красных нитей, камни с природными отверстиями. А на кусты винограда привязывать красные лоскуты.

Так на праздник «*Яран сувар*» (Праздник начала весны) у лезгин детям и пожилым, а также больным людям, запястья обеих рук перевязывали красной шерстяной нитью, чтобы весеннее солнце не навредило им. Как говорили: «Чтобы Яр не ударил!» и не сделал человека, особенно детей, вялыми и сонными. При этом, предпочтительным считалось оставить нить до того, как она сама порвется, но следить, чтобы это случилось не раньше, чем через три дня.

Вследствие существовавших представлений о нечистоте трупа нельзя было касаться тела покойного голый рукой. Поэтому из куска ткани, который шел на саван, шили рукавицы и ими мыли покойного. За свой труд они получали одежду покойного. Считалось, что если этого не сделать, то близкие часто будут видеть его во сне раздетым, а во время Страшного суда он предстанет абсолютно голым перед Аллахом. Рукавицы закапывали или прикрепляли к мойке и относили туда, где хранился погребальный инвентарь. Эти рукавицы, впоследствии, могли быть, по народным представлениям, использованы для исцеления от бездетности, которая, как считалось, являлась наказанием и испытанием для женщин свыше.

После обмывания можно было приступать к облачению в саван. Предпочтительным материалом для савана была ткань из растительного волокна, лучшей же у народов Дагестана считалась бязь. Причем, отрезки ткани в виде будущего савана входили в подарки пожилым людям по разным случаям. Кусок ткани в три обертки, 25 локтей, для савана служил одним из составляющих штрафа за убийство гостя в различных обществах.

В адатах Тиндальского наибства хваршинского общества об убийствах гостя писалось, что если хваршин убьет в своем обществе человека другого общества, то убийца покупает и передает наследникам убитого саван в три обертки и быка стоимостью 10 руб. и, кроме того, делается кровником на общем основании [19, с. 127]. В адатах Каратинского наибства об убийствах гостя писалось, что если убьют гостя из другой местности в Каратинском обществе, то убийца сверх положенного в наибстве дията обязан купить 25 локтей материи убитому на саван и быка стоимостью в 12 руб. [19, с. 144].

Не рекомендовалось употребление для савана дорогих тканей, в исламе ценилась скромность ухода в другой мир¹. Для женщин наряду с белым полотном использовали материю зеленого (для молодых женщин допускали и красного цвета). Традиционно, мужчину заворачивали в три слоя (столько же было и у пророка Мухаммеда), а женщину – в пять. Отдельным слоем считалась рубаха для загробного мира (последняя

1. Рагимова Б.Р. Женщина в традиционном дагестанском обществе XIX – начала XX века (роль и место в семейной и общественной жизни). Дисс. ... доктора исторических наук: 07.00.07. Интернет ресурс. Доступно по ссылке: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01000337043>

земная рубаха), сделанная из длинного и цельного куска ткани. Спереди она доходила до пальцев ног, а сзади опускалась немного ниже пояса. Для головы в полотнище делали отверстие, женщине шили также штаны – *последние* штаны, чулки из той же бязи – кончики носков которых разрезали, чтобы при погребении большие пальцы ног могли касаться грунта, и головной убор, тоже должен был быть из белого полотна. Поверх головного убора голову повязывали узкой лентой из зеленого материала. Этот цвет был, по представлениям народным, символом рая, утопающего в зелени и цветах. Зеленым был зачастую верхний слой савана и погребальной рубахи. Таким образом, у женщин саван был на два слоя больше, чем у мужчин. Однако количество слоев могло быть и больше – 5-7 для мужчин, 7-9 для женщин. В настоящее время поборники «чистого ислама» следят, чтобы было не больше трех слоев. Обстоятельство, по которому женщину завёртывали в саван на несколько слоев больше, объясняли тем, что женщина-покойница могла причинить больший вред живым, чем мужчина, особенно, если она была фертильного возраста. По этой же причине могилу ей рыли несколько глубже, нежели мужчине. Саваном покойного окутывали с ног до головы несколько раз, а между слоями клали вату. Приходившие с соболезнованием родственники умершего по обычаю взаимной помощи приносили с собой кусок полотна для савана. Его использовали, если была необходимость, но самый первый слой савана должен быть из полотна, приготовленного самим умершим или его домочадцами. Остальные слои савана можно было делать из принесенного полотна, которым закутывали покойного уже по степени родства. После того, как все было готово, сверху тела покойного, завернутого в саван, клали горсть земли и зеркало.

В ритуале похорон народов Дагестана ткани являлись его обязательным компонентом. Сверху покойного также покрывали: мужчину – буркой или ковром, а женщину заворачивали в палас, ковер или у некоторых аварцев принято покрывать красивым покрывалом или старинным парчовым, или шелковым платком. После похорон у большинства народов Дагестана «покрывало» покойного возвращалось домой, и в течение 40 дней оно находилось на самом видном месте. В прошлом было принято все это вывешивать на центральный столб дома на гвоздь. Известно, что у жителей с. Рутуджа, есть традиция (запретная, но практикуемая) отправлять через покойника «гостинец» давно умершему родственнику, особенно, если его видели во сне не совсем одетым или в плохой одежде, или, если родственникам кажется, что его саван был недостаточно хорош, поскольку в годы «мануфактурного голода», во время Гражданской войны, из-за дефицита ткани, многих покойников обряжали в последний путь, завернув в саван из холщовых мешков. Женщинам, как правило, нельзя ходить на кладбище, кроме как в дни религиозных праздников. Однако, в некоторых селах Андаляльского общества (совр. Гунибский р-он), женщинам принято ходить каждую пятницу в течение года на кладбище, раздавать милостыню (в основном сладости), специально приходящим туда детям, с соблюдением особых правил: она должна сделать омовение и подложить семислойную тканевую подкладку в штаны: иначе, по представлениям, все «обитатели кладбища» («*хъубазул уммат*») будут видеть ее обнаженной. Как мы видим, символика ткани (или всего, что сделано из нитей), как пути, дороги, соединяющей миры, связывающей разные пространственные локусы, в обряде проводов покойного в потусторонний мир (рай или ад, пока неизвестно), прослеживается более или менее отчетливо. Однозначно – ткань (соответственно и нить, из которой она соткана) в похоронном ритуале осуществляет медиативные функции.

Однако, наверное, было бы неправильным ограничивать символическую значимость ткани, сводя ее только лишь к функции установления контакта с потусторонним миром. Известно, что в с. Кубачи, у которых, как считается сохранились некоторые традиции «огнепоклонников-зороастрийцев», в древности, людей не хоронили, а развешивали на деревьях и оставляли их там до тех пор, пока птицы-падальщики не очистят кости от мяса. Затем родственники шили из красивых лоскутов мешочки-сумочки, напоминающие современные шопперы. Причем из лоскутов – бархатных, парчовых, шелковых – создавались причудливые узоры на передней части сумочки. В эти сумочки собирались естественно очищенные кости и хранились в специальных помещениях-погребках. Таких сумочек набиралось много. Так принято было по легенде хоронить всех. Интересно, что такие сумочки продаются сейчас в с. Кубачи, как сувенирные. Правда, покупателям «забывают» объяснить, для чего они предназначались. В последнее время эти же сумочки стали использоваться в свадебной обрядности – в них складывают подарки. Это вполне соответствует представлениям народным, что жизнь и смерть – как две сестры, нельзя разнять их, и срок земной им – просто миг рукопожатия.

Думается, что полотно в традиционной культуре обладает более широким кругом значений, является медиатором в самом полном смысле этого слова. Ткань является не только символом объединения земного и потустороннего миров, но и символом единения людей. С ее помощью устанавливались не только мифологические, но и социальные связи [2].

В частности, в свадебной обрядности, используя именно ткань или тканые предметы, веревки, создаются социальные связи. В с. Ругуджа, в прошлом, было принято, если желают сосватать девушку, узнавать заранее, стоит приходить или нет. Для этого близкая родственница предполагаемого жениха приходила к матери невесты просить на день специальную веревку, скрученную из грубых шерстяных ниток – привязь для осла. Если мать девушки отказывала, было понятно, что разговор неуместен; если отказывала, но объясняла причину отказа – можно переговорить и подумать. Если сразу одалживала – посылайте сватов. Начальный этап обручения, например, имеет множество других названий, но суть одна – происходит закрепление сговора и оговаривается основа будущего брака. В лезгинском с. Хрюг, первоначальное (маленькое) обручение называлось «*лечек*» (косынка), в смысле – одеть косынку для скрепления договора об обручении. В качестве подарка, который должен был скрепить договор, несли головной платок, чаще шелковый гянджинский (*генже келегъа*), серебряное кольцо и что-нибудь из одежды. Первоначальные дары не везде были одинаковыми. В одних селениях размер их был значительным, в других – подарок был символическим, ограничивался головным отрезом для платья или платком. Но всегда в них, среди прочих подарков: денег, украшений, присутствовало что-то из ткани (платок, отрез, платье). Самой красивой и дорогой нитью считалась шелковая. Одежда, сшитая из шелковой ткани, шелковый платок, вышитый шелковыми нитками, считались лучшими подарками для невесты.

Различные отрезки, наряду со специальными ритуальными подарками, дарили также победителям всевозможных соревнований на общественных и календарных праздниках.

Описывая скачки на празднике Первой борозды, Г.Ф. Чурсин приводит интересную деталь – хозяин победившей лошади благодарит мальчик-наездника

за победу, одаривая его кинжалом под серебром, и обещает одеть его в суконную одежду [20, с. 51].

В общественном быту дагестанских народов лоскуты ткани используются для установления социальных связей. У даргинцев и некоторых аварцев, когда молодые девушки собирались для помощи в хозяйственных делах: лущении кукурузы; производстве колбасы, которую сушили на зиму; очистке шерсти и других работ, которые требовали участия значительного количества людей – хозяйка помочей каждый раз давала девушкам небольшие лоскуты тканей. Лоскуты часто дарили и девушкам, которые помогали на свадьбе, на общественных мероприятиях. Чем больше лоскутов соберет девушка в течении хозяйственного года, тем больше она зарабатывала авторитет работающей девушки.

К лоскутам ткани у многих народов было часто особое, сакральное отношение. У терекеменцев, если в семье дети умирали подряд, один за другим, то очередному новорожденному «для спасения жизни» шили куртку из лоскутов ткани, собранных из 40 домов [21, с. 180]. У кумыков – шили курточку («*тиленжи тёшлюк*») из лоскутов ткани, собранных в 7 или 9 разных домах и пришивали на плечо маленькие хурджунчики, а на спину – различные амулеты. В хурджунчик помещали копейки, куски сахара, хлеба, орехи, символизирующие подаяние. Такая безрукавка «нищего», которую ребенок носил до 40 дней, иногда до 1 года, должна была отвлечь от него внимание злых духов [22, с. 281].

У народов южного Дагестана (дербентские азербайджанцы, кайтагские кумыки и др.) для спасения жизни ребенка шили ему халатик из черной ткани. Этот обычай назывался «къатыл къара» и проводился в знак шиитского траура по случаю гибели в битве при Кербеле (680 г.) сына четвертого халифа Али Хусейна. Надевали куртку в день проведения траурного церемониала, и снимали ее только по истечении 40 дней [22, с. 281]. Такие приемы имели широкие аналогии [23, с. 100].

Надо сказать, что для народов Дагестана, повсеместно было характерно очень бережное отношение к любой мануфактуре, а к ткани для одежды особенное. Например, порча чужой одежды считалась преступлением, за это налагались серьезные штрафы. В своде решений и обычаев Цекобского общества, есть такой пункт: «*Если кто в шутку или всерьез разрежет чужую одежду, что должно быть установлено соответствующей присягой, то с виновного взыскать 3 овцы. Если подозреваемый не признает себя виновным, то ему предлагается принять очистительную присягу, согласно обычаям селения*» [19, с. 101].

Соответственно, каждый лоскут ткани был по-своему ценен. В горах Дагестана в памяти людей надолго запечатлелся мануфактурный голод начала XX в., когда в отдельных семьях и селах, по воспоминаниям стариков, люди вынуждены были шить одежду из холщовых мешков, а покойника хоронить без савана, обмазав тело тремя слоями белой глины, вспомнив очень древний обычай, обмазывать перед обертыванием в саван необрезанных женщин, у отдельных народов высокогорного Дагестана и Горной Чечни.

Везде, где человек работал с тканью, оставались обрезки и выпады кроя, которые собирались и аккуратно сворачивались в рулон и подвязывались тем же кусочком ткани. Лоскуты использовались часто для подмышечных вставок при шитье платья туникообразного фасона, для второго слоя спинной части такого платья, для паховой вставки женских штанов, латания одежды. Девушки собирали эти лоскуты и шили

мелкие вещи утилитарного значения – кисеты для табака, мешочки для мелочей («бухча», «чонта»), которые гораздо позже превратились у аварцев в карман с тем же названием. У отдельных народов (тиндал, багулал, хваршин) из лоскутов шились девичьи накосники (известное *чохта*, *чухтурус*) [24, с. 113]. Аккуратно, иногда с фантазией, залатанное платье, штаны носить не считалось недостатком. Наоборот, это являлось свидетельством женской рачительности и креативности. Конечно, старались для этого подбирать лоскут той же ткани, но, если такого не было, умение подбирать ткань и делать художественную латку, которая могла даже украсить одежду, считалось особой, одобряемой способностью. Модный и в настоящее время стиль рукоделия – печворк, когда путем сшивания кусочков ткани создается цельное изделие, с индивидуальным цветовым решением, узором, всегда был актуален и востребован в Дагестане. Самые мелкие остатки сшивались друг с другом, образуя единое полотно [25, с. 7]. Из этого полотна шились лоскутные одеяла. Шили их себе девушки с огромной фантазией. Иногда для создания такого мозаичного полотна устраивались девичьи посиделки у хозяйки лоскутов. Как выясняется, такая традиция – коллективное сшивание лоскутов, существовала не только у народов Дагестана [26, с. 10]. Из лоскутов красивых дорогих тканей шили мозаичные одеяла и для приданного. Причем, мастерица, обладавшая фантазией, и которую, как правило, знали, как искусницу, могла сшить его и на заказ. Среди азербайджанцев, в том числе в Дагестане, из лоскутов создавали, так называемые лоскутные *гурамы* – небольшие лоскутные ковры. Они создавались из лоскутов, так же полученных в качестве благодарности за участие и помощь в семейных торжествах.

Лоскуты, полученные девушками за участие в семейных и общественных мероприятиях, становились объектом обменных операций между ними – таким образом подбирались лоскуты необходимого цвета или подходящего рисунка, к задуманному изделию (лоскутному одеялу, подушке или художественной латке).

Особо следует остановиться на ткани, которая, в зависимости от качества, свойств, цвета и декора имела универсальное применение. Вплоть до XIX в., в связи с господством натурального хозяйства, у народов Дагестана, в изготовлении одежды первостепенное значение имели ткани местного производства. Уметь вязать, ткать, вышивать и шить предметы мужского и женского костюма должна была каждая женщина. Она же должна была изготавливать и нитки шерстяные, шелковые, конопляные, хлопчатобумажные, из которых потом изготавливались ткани [27, с. 104–105].

В Дагестане среди изделий из шерсти домашнего производства особое место занимало сукноделие, которое было исключительно женским занятием и производством которого занимались в Дагестане во всех районах. Однако *«количеством и качеством выделяемого сукна славились три горных округа Дагестана: Казикумухский, Даргинский и Аварский. По показаниям кустарей, здесь в каждом дворе занята этим трудом по крайней мере одна женщина в течение всей зимы, т.е. от половины сентября до половины апреля»* [28, с. 23]. О сукноделии горянок Дагестана писали многие авторы [29, с. 71; 30, с. 139; 31; 32, с. 22, 35; 33]. Особым спросом пользовались далеко за пределами Дагестана белое сукно из с. Карата [34, с. 66].

Шерсть в Дагестане, кроме как для выделки сукна, использовалась и для производства нити, которая шла на производство ковров и ковровых изделий. Из всех ковровых изделий лучшими считались всегда ковры народов Южного Дагестана [13,

с. 27]. Наиболее распространенными являются безворсовые, гладкие ворсовые ковры, двусторонние паласы.

Дагестанский дом трудно представить без ковров, паласов; невесту без приданного, в которое обязательно входило хотя бы два ковра – один для покрытия пола, другой – для одной из стен комнаты.

С шерстью и нитью работали только женщины. К самому станку, на котором находился еще незаконченный ковер, у народов Дагестана было особое отношение, ему приписывались магические свойства: под станком, прислоненным к стене, проводили часто болеющего ребенка, а также роженицу при трудных родах.

Производили в небольших количествах в Кюринском ханстве, Дербенте, и на Кумыкской равнине и шелк. Занятие кумыков шелководством отмечали многие авторы XIX в. Из шелковых ниток ткали платки, пояса. Шелковые ткани широко применялись для шитья одежды. «В Чечне и Кумыкской плоскости, – писал О. В. Маргграф, – шелководством занимается до половины населения.... Главный сбыт здесь на местных рынках Хасавюрта и Грозного» [29, с. 69–70].

В Дагестан торговцы поставляли различные шелка, золотые и серебряные нитки из Ирана, Средней Азии, Индии и пр. [27, с. 105]. Некоторые дорогие ткани из шелка в Дербенте, особенно в азербайджанской среде, бытовали под поэтическими и юмористическими названиями: *гедже-гюндюз* («ночь и день»), *гаджи, мене бах гаджи* («посмотри на меня»), *шемси гемер* («солнце и луна»), *гоншу гёзюн чыхартан* («ослепляющая соседку»), *герме, яндырам* («не смотри, сожгу»), *гайнана яндыран* («сжигающая или убивающая свекровь») и др. [35].

Любой текстиль, особенно ткани, применяемые для шитья одежды, в Дагестане, кроме своего прямого предназначения использовались для установления и упрочения социальных связей. В горах Дагестана говорили, что «*будущий зять и рабочий осел – одно и то же*». По обычаю, сторона жениха должна была в каждый праздник: *Ураза байрам* (Праздник поста), *Курбан байрам* (Праздник жертвоприношения), *Новруз, Яран Сувар* (Праздник нового года) – у большинства народов Южного Дагестана; Праздник первой борозды («*Оц бай*» – у аварцев; «*Эбельцан*» – у табасаранцев и др.) – являться в дом к невесте с подарками и угощением. Прежде всего, подарком мог быть платок, отрез ткани. Будущий жених через эти подарки устанавливал отношения с будущей родней.

Официальная помолвка в нормативно-социальном плане не только санкционировала перед лицом всего сельского общества брачный выбор и закладывала материально-экономическую основу будущего брака, но и являлась начальным этапом обрядов социализирующего характера, которые знаменовали изменение социального статуса молодых и подготавливали их переход в другие половозрастные группы. И этот переход осуществлялся опять же через взаимный обмен подарками, который был во всех общественных и семейных мероприятиях очень значимой и необходимой частью установления не только экономических, но и социальных взаимоотношений. Предметами дарообмена, как правило, служили ткани и то, что имело к ним отношение: одежда, платки, отрезки, в том числе лоскуты дорогих тканей; постельное белье, одеяла, покрывала и ковры в качестве обязательного были в приданном невесты.

На свадьбу, как правило, приезжали гости. И они тоже несли на праздник, в качестве подарка, мужчины – деньги; женщины – отрезки на одежду. Эти отрезки оставались у матери – в доме невесты; и у свекрови – в доме жениха. Часть этих отрезков

после свадьбы раздаривалась, тем родственницам, которые принимали активное участие в организации свадьбы. С этими подаренными отрезами был связан интересный обычай у кюринских лезгин. В большинстве сел, эти подарки гостей (отрезы тканей или платки), дети и подростки несли прикрепленными к шесту, который называли «*mIaramI*». Когда их набиралось достаточно много, их прикрепляли к крыше дома жениха. В некоторых селениях каждый прикреплял свой «*mIaramI*» у ворот своего дома и все эти *mIaramI* собирала группа людей из числа родственников жениха, которые вместе с музыкантами ходили за этим по селению. Остановившись у каждого дома, где был вывешен *mIaramI*, они танцевали там, к ним присоединялся хозяин дома. Затем они забирали *mIaramI* и шли к другому дому. Собранные *mIaramI* прикреплялись к крыше дома жениха. *mIaramI* какое-то время находились на крыше, затем, прикрепленные к древку платки и отрезки, собирали и складывали в мешок. Подаренные вещи можно рассматривать как символ социальной жизни, выражающий способ сосуществования в обществе друг с другом, в состоянии вечного долга и обязательства.

Практически у всех народов Дагестана было принято демонстрировать подарки жениха невесте при родственниках. Известно, что у лезгин, перебирая одежды, кто – то из близких родственников невесты украдкой втыкал в одежду иголку с ниткой. Как нам объяснили, это делалось для того, чтобы жизнь молодых была длинной – как нитка, а брачный союз – крепким как стальная иголка. Здесь мы сталкиваемся с ниткой, которая ассоциировалась с жизнью и ее длиной. У аварцев с. Дусрах (совр. Чародинский р-он), было принято подарки невесты раскладывать на рубахе или черкеске отца жениха из домотканного сукна, якобы это способствовало рождению первенца мужского рода.

Среди даров, которые приносили невесте послы жениха в день свадьбы, практически до конца XX века, фигурировал крупный баран, на рога которого была привязана красная ткань, как правило, шелковая. Послов за невестой, друзей жениха так же перевязывали нарядной яркой тканью, сделав узел – явный символ создания через подарок, взаимных социальных отношений – родственников, дружеских. В прошлом, шею коня, на которого сажали невесту для перевода в дом жениха, также перевязывали отрезом ткани. С невестой из ее дома также отправлялся сундук с подарками для будущих родственников, как правило – платки, отрезки; в некоторых обществах – вязаные носки.

Таким образом, главной идеей семантической сущности нити, при помощи которой выстраивался (или разрушался) социальный и мифологический «диалог», связывались жизнь и смерть, человек и общество, устранялись разрывы во времени и пространстве – было то, что нить являлась основой ткани: «*вертикальный ракурс мироздания, соединяющий все уровни существования*» [9, с. 329]. Ткань, лоскут, узор вышивки, одежда из ткани, постельное белье, ковер, палас и другие предметы, были изготовлены из нити – ядра семантической нагрузки на объекты, путем переплетения, соединения в одно целое качественной сущности вещей с определенными символами: дарообмена – явления значимого и необходимого для установления не только экономических, но и социальных взаимоотношений, своеобразного «договора» между разными группами людей, как с родственниками, так и с чужими; преемственности традиций в обрядовой культуре народов Дагестана (общественной, семейно-общественной, семейной).

Анализ предметов, казалось бы, повседневного быта (такое древнее произведение человеческих рук, как нить, и связанные с ней и произведенные из нее предметы – ткань, лоскут ткани, отрез ткани, одежда и т.д., с которыми человек сталкивался на каждом шагу), позволяет проследить роль в формировании определенной картины мира, мировоззрения предков современных народов Дагестана. Поскольку эти представления относятся, скорее всего, к очень древнему периоду истории, можно предположить, что имеется сравнительный материала по другим народам Северного и Южного Кавказа и, возможно, существуют общие закономерности возникновения этих представлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Токарев С.А. К методике этнографического изучения материальной культуры // Советская этнография. 1970. № 4. С. 4–16.
2. Байбурин А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989
3. Мусаева М.К. Традиционные детские и подростковые украшения и костюм у народов Дагестана (культурные конфигурации) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2007. № 4(12). С. 104–113.
4. Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971.
5. Перро Ш. Спящая красавица. М.: АСТ, 2018. – 32 с.
6. Купер Дж. Энциклопедия символов. М., 1995. – 397 с.
7. Котович В.М. Верхнегунибское поселение – памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Махачкала: Типография Дагфилиала АН СССР, 1965. – 261 с.
8. Истории Дагестана с древнейших времен до наших дней М.: Наука, 2004
9. Сефербеков Р.И. Образ Великой Богини-матери в мифах народов Дагестана (ипостаси, аспекты функций, трансформации) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. Махачкала, 2015. № 3 (43). С. 146–153.
10. Сергеева Г.А. Вязаная обувь народов горного Дагестана // Кавказский этнографический сборник. Т. 8. М., 1984. С. 106–140.
11. Исмаилов Г.И. Даргинская вышивка. Махачкала, 2005.
12. Гаджалова Ф.А. Народная вышивка Дагестана: художественно-стилистические особенности, историко-культурные влияния. Махачкала, 2005.
13. Рамазанова З.Б. Традиционные промыслы и ремесла Дагестана (XIX – начало XX в.). Махачкала: АЛЕФ, 2016.
14. Султанова М.К. Женский костюм Дагестана. Традиции и современность. Махачкала, 2007. – 127 с.
15. Березин И.Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью (с картами и планами). Казань, 1850.
16. Булатова А.Г. Лакцы. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2000. – 387 с.
17. Лысенко О.В., Комарова С.В. Ткань. Ритуал. Человек: Традиции ткачества славян Восточной Европы. СПб: Изд-во Астур, 1992. – 44 с.

REFERENCES

1. Tokarev SA. On the methodology of ethnographic study of material culture. *Sovetskaya Etnografiya*. 1970, 4: 4-16. (In Russ)
2. Bayburin AK. Semiotic aspects of the functioning of things. *Ethnographic study of symbolic means of culture*. Leningrad, 1989. (In Russ)
3. Musaeva MK. Traditional children's and adolescent jewelry and costume among the peoples of Dagestan (cultural configurations). *Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. 2007, 12(4): 104–113. (In Russ)
4. Bogatyrev PG. Questions of the theory of folk art. Moscow, 1971. (In Russ)
5. Perrault S. *Sleeping Beauty*. Moscow: AST, 2018. (In Russ)
6. Cooper J. *Encyclopedia of symbols*. Moscow, 1995. (In Russ)
7. Kotovich VM. *Verkhnegunibsky camp – a site of the Bronze Age of mountainous Dagestan*. Makhachkala: Dagestan Branch of the USSR Academy of Sciences, 1965. (In Russ)
8. *History of Dagestan from ancient times to the present day*. Moscow: Nauka, 2004. (In Russ)
9. Seferbekov RI. The image of the Great Mother Goddess in the myths of the peoples of Dagestan (hypostases, aspects of functions, transformations). *Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. Makhachkala. 2015, 43(3): 146-153. (In Russ)
10. Sergeeva GA. Knitted shoes of the peoples of mountainous Dagestan. *Caucasian ethnographic collection*. Vol. 8. Moscow, 1984: 106-140. (In Russ)
11. Ismailov GI. *Dargin embroidery*. Makhachkala, 2005. (In Russ)
12. Gadzhalova FA. *Folk embroidery of Dagestan: artistic and stylistic features, historical and cultural influences*. Makhachkala, 2005. (In Russ)
13. Ramazanova ZB. *Traditional trades and crafts of Dagestan (19th – early 20th centuries)*. Makhachkala: ALEF, 2016.
14. Sultanova MK. *Women's costume of Dagestan. Tradition and modernity*. Makhachkala, 2007.
15. Berezin IN. *Traveling through Dagestan and Transcaucasia (with maps and plans)*. Kazan, 1850.
16. Bulatova AG. *Laks. Historical and ethnographic research*. Makhachkala, 2000.

18. Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин. XIX – начало XX в. М.: Наука, 1978. – 304 с.
19. Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв.: Архивные материалы / Акад. наук СССР. Дагест. филиал; Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М.: Наука, 1965. – 279 с.
20. Чурсин Г.Ф. Праздник «выхода плуга» у горских народов Дагестана // Известия Кавказского историко-археологического института. Т. 5. Тифлис, 1927. С. 43–60.
21. Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекеменцы. XIX – нач. XX в. Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1990. – 216 с.
22. Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – нач. XX в. М.: Наука, 1985. – 359 с.
23. Чурсин Г.Ф. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913. – 191с.
24. Мусаева М.К., Гимбатова М.Б. Женский головной убор «чухта» и его разновидности у аварцев // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 9. № 4. С. 107–118.
25. Нагель О. Художественное лоскутное шитье: основы лоскутного шитья и традиции народного текстильного лоскута. Учебно-методическое пособие для учителя. М.: Шк.-Пресс, 2000. – 95 с.
26. Штауб Вахсмут Бригитта. Петчворк и квилт. Лоскутное шитье. М.: Издательство Профиздат, 2007. (перевод с немецкого). – 80 с.
27. Гаджиева С.Ш. Материальная культура кумыков. XIX-XX вв. Махачкала, 1960.
28. Мухаммед-Рафи. Извлечение из истории Дагестана // ССКГ. Вып. V. Тифлис, 1872.
29. Маргграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882.
30. Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 // История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Архивные материалы. М.: Наука, 1958. С. 138-157.
31. Петухов П. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа // Кавказ, 1867. №№ 7, 8, 12, 13, 15, 16.
32. Несченкова. Путеводитель по Дагестану. Тифлис, 1971.
33. Аедоницкий В.А. Из поездки в Дагестан летом 1914 года // Естествознание и география. 1916. №5–7, 8, 9–10.
34. Хашаев Х.-М.О. Занятия населения Дагестана в XIX в. Махачкала, 1959.
35. Гаджиева С.Ш. Дагестанские азербайджанцы. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1990.
17. Lysenko OV., Komarova SV. *Textile. Ritual. Individual: Weaving traditions of the Slavs of Eastern Europe*. Saint-Petersburg: Astur Publ., 1992. (In Russ)
18. Agashirinova SS. *Material culture of Lezgins. 19th – early 20th centuries*. Moscow: Nauka, 1978. (In Russ)
19. *Monuments of customary law of Dagestan in the 17th-19th centuries: Archival materials*. Dagestan Branch of the USSR Academy of Sciences; Comp., preface and notes by H.M. Khashaev. Moscow: Nauka, 1965. (In Russ)
20. Chursin GF. The festival of the “First furrow” among the mountain peoples of Dagestan. *News of the Caucasian Historical and Archaeological Institute*. Vol. 5. Tiflis, 1927: 43-60. (In Russ)
21. Gadzhieva SSh. *Dagestan Terekemens. 19th – early 20th century. Historical and ethnographic research*. Moscow: Nauka, 1990. (In Russ)
22. Gadzhieva SSh. *Family and marriage among the peoples of Dagestan in the 19th – early 20th century*. Moscow: Nauka, 1985.
23. Chursin GF. *Essays on the ethnology of the Caucasus*. Tiflis, 1913. (In Russ)
24. Musaeva MK., Gimbatova MB. Women’s headdress “chukhta” and its varieties among the Avars. *Modern studies of social problems*. 2017, 9(4): 107-118. (In Russ)
25. Nagel O. *Artistic patchwork: the basics of patchwork and the traditions of folk textile patchwork. Educational and methodological manual for teachers*. Moscow: Shk.-Press, 2000. (In Russ)
26. Staub Wachsmuth Brigitte. *Patchwork and quilt. Patchwork sewing*. Moscow: Profizdat Publ., 2007. (translated from German).
27. Gadzhieva SSh. *Material culture of the Kumyks. 19th – 20th centuries*. Makhachkala, 1960. (In Russ)
28. Muhammad-Rafi. Extract from the history of Dagestan. SSKG. Vol. V. Tiflis, 1872.
29. Marggraf OV. *Essay on handicrafts of the North Caucasus*. Moscow, 1882.
30. Simonovich FF. Description of Southern Dagestan. 1796. *History, geography and ethnography of Dagestan in the 18th-19th centuries. Archival materials*. Moscow: Nauka, 1958: 138-157. (In Russ)
31. Petukhov P. Essay on the Kaitago-Tabasaran district. *Kavkaz*, 1867. No. 7, 8, 12, 13, 15, 16.
32. Neschenkova. *Guide to Dagestan*. Tiflis, 1971.
33. Aedonitsky VA. From a trip to Dagestan in the summer of 1914. *Estestvoznaniye i geografiya*. 1916, Nos. 5–7, 8, 9–10. (In Russ)
34. Khashaev H-MO. *Occupations of the population of Dagestan in the 19th century*. Makhachkala, 1959. (In Russ)
35. Gadzhieva SSh. *Dagestan Azerbaijanis. 19th – early 20th centuries. Historical and ethnographic research*. Moscow: Nauka, 1990.

Поступила в редакцию 22.09.2023 г.
Принята в печать 01.11.2023 г.
Опубликована 15.12.2023 г.

Recieved 22.09.2023
Accepted 01.11.2023
Published 15.12.2023